

Анастасия Ивановна Цветаева

О чудесах и чудесном

Предисловие к книге А. Цветаевой

Станислав Айдинян

– «О чудесах и чудесном» уникальна.

Не чудо ли, что рукопись ее создана писательницей, которой без нескольких годов – 100 лет?!

Не чудо ли, что в этом преклонном возрасте писательский талант не иссяк, а продолжает блистать все новыми гранями понимания мира?..

Две первые свои книги Анастасия Ивановна издала еще до революции. С тех пор прошли годы испытаний – бедностью, тюрьмами, лагерями, ссылкой. Но она не теряла веры, веры и воли...

Именно волевое начало сохранило в ней ту духовную пламенность, которая свойственна была и ее сестре – Марине Цветаевой, чье поэтическое наследие стало достоянием мировой литературы. Волевое начало сохранило в А. И. Цветаевой и творческую неиссякаемость.

Произведение, где на многих страницах явлено волевое начало, ее роман – «Амог», опубликованный впервые недавно, в 1990 году. «Амог» написан в сталинском лагере, куда этапом писательница была отправлена из тюрьмы. Там, на папиросной бумаге Анастасия Ивановна писала сцену за сценой и через вольнонаемных передавала главы на волю...

Через годы сохранившуюся часть романа стало возможным дописать и издать.

Несколько раз принималась Анастасия Ивановна за, как она выражалась, «руины романа» и, наконец, книга была доведена до конца (после того, как на протяжении нескольких месяцев более чем 90 летняя писательница «вписывала» в роман новые сцены). Среди сцен есть одна, замечательная тем, что служит ключом к пониманию многого в психологическом строе Цветаевой-младшей, Цветаевой-последней. А описан – конфликт одной из заключенных, представительниц преступного мира, урки-Наташи и главной героини романа, «казюльки», то есть интеллигентки, осужденной за «контрреволюцию».

У урки-Наташи была такая «странность»: растопив в бараке докрасна печь и у печи распарившись, раздеться донага и потом бегать в «первозданном» виде по зоне, пока вохровцы не поймают. Посреди одной такой распарки перед забегом на «голую» дистанцию перед Наташей возникает немолодая уже казюлька и просит: Наташа, не топи так печку! Задохнуться можно! – Урка чуть не задохнулась от злобы. Как это ей, уголовнице, какая-то контрреволюционерка приказывать будет! – И Наташа, в ярости, высоко подняв. полено, пошла на маленькую, хрупкую женщину – убить ее.

Но маленькая и хрупкая ступила навстречу, подставила голову под полено, закричала с силою: – Бей! – Выронила полено Наташа, не смогла ударить...

Неведомая сила победила в ней ярость. И та же сила неведомая заставила ее, урку, той казюлке потом с воли написать...

Сильный обезоружен мощью покорности. Готовностью к смерти? И встают над колючей проволокой лагеря невидимые, вечные строки Евангелия: «Если ударят тебя по левой щеке, подставь правую». Анастасия Ивановна, в автобиографическом романе ее имя – Ника, – уверенно, волевым шагом высоты, исполнила одно из заповеданий Христа и – чудо вошло в жизнь – зло отступило...

Все это действительно было, а о том, что было столь возвышенно – мужественно можно, вспомнив самые достойные исторические примеры, сказать стихами Андрея Белого, которого А. И. Цветаева знала в молодости – Все это – было, было Будет – Всегда, Всегда!

«Всегда» – это вечность, то есть высота торжествует, когда точка нравственного

отсчета человека – вечность. Кто чувствует вечное, тот не боится смерти.

Вечность, как цель Христианства – путь младшей– Цветаевой.

Роман ее – книга одолении, книга о том, как побороть себя. Если в духовной борьбе одолевает человек собственное несовершенство, тогда, несовершенство внешнее, идущее из жизни, теряет над ним власть, ибо внутренняя высота позволяет видеть все происходящее в иных масштабах, а что такое наш день и час в сравнении с вечностью...

Анастасия Ивановна молится неустанно за многих, верит она в силу молитвы, спасавшей ее в самые тяжелые часы и дни. А на сон грядущий молится на известных ей европейских языках – на французском, немецком, английском и, конечно, русском – читает она «Отче Наш» – христову молитву...

Один из священных заветов Христа: «Будьте как дети и вам откроется Царствие Небесное». – Что именно удивляет в известных «Воспоминаниях» Анастасии Ивановны, это – как она сохранила такую емкую память о детстве, сколь точно передала ощущение детской интонации, детского видения. Перевоплощение в ребенка – удивительное! Хотя бы взять строки из воспоминаний о брате Андрее:

«В Тарусе – лодка, а весла тяжелые. Андрюша умеет грести. Сад так вырос, что с балкона не видно Оки. Пароход кричит, что идет.

На качелях мама не позволяет, чтобы подгибались веревки: «упадешь, голову разобьешь».

Орехи из зеленой шкурки лезут туго, пальцы очень стараются. Кот Вася с нами всегда – в Москве и в Тарусе, а пес остался в Москве».

Мемуары А. И. Цветаевой в русской художественной культуре явление совершенно особенное. В них явь духовно-тонка, часто – импрессионистически-живописна.

Прошлое мастерски приближено чутким видением еле-уловимых оттенков чувства, лиц, красок... В мемуарах живы «вечные» черты цветаевского отношения к жизни, они – прежде всего – в Правде Целого, в том, что мы можем легко, как по хрустальной лестнице сна, войти в «быт и бытие» семьи Цветаевых, посетить начало века. Когда происходит такое «перемещение во времени», мы начинаем догадываться, что детство продолжается в глубине человеческого существа всю жизнь, что оно по-своему «вечно».

Разве наши сны – не продолжение «игры»? Детство – это время еще неполной победы нашего сознания над сказочными глубинами подсознания, где ждет наше истинное, чистое, детское, первозданное «Я», которое знают лишь гении планеты и те, кому оно открывалось во вдохновении, в творчестве. Истинное, чистое «Я» можно еще назвать «искрой Божьей». У тех же, кто раскрыл его – у великих посвященных, такое высокое осознание всего сущего, их «Сверх-Я» зовется уже «Маяком Вечности».

Писатели, художники – стремятся бессознательно, а избранные – осознанно к Вечным маякам, к отблескам неизреченного света.

У Анастасии Ивановны движение к ее Ангелу Хранителю, к внутреннему Свету – в отказе от какой бы то ни было лжи, в аскезе с 27 лет, когда она приняла обет – ни сигарет, ни мяса животных, ни прочих серьезных соблазнов. Однако вера ее не сурова и отреченна, а жива, жизненна: Анастасия Ивановна приветлива, гостеприимна, встречает гостей улыбкой, способна увлечься беседой, заинтересоваться собеседником, его жизнью, его радостями и горестями, его верой, при этом – словом и делом готова помочь. Помочь взволнованно-настойчиво, помочь, преодолев невозможности и преграды. Она – яркая, волевая Личность, в которой талантливость видна невооруженным глазом, в ней – чуткая наблюдательность, проникновенное знание человеческой психологии...

Детство же цветет в ней – например, любовью к птицам – кормит голубей, поет им особую, только ей известную «голубиную» песенку (В скобках вспомним, что голубь – евангельский символ чистоты). Обожает собак и кошек, называет их на Вы – таково ее чудачество – «А как же, – говорит она, – разве мы можем поручиться, что у них в голове?..» Она даже верит, что души животных, тоже, как и человечьи, впадают в бессмертие.

В ее небольшой московской квартире – со стен, со шкафов – фотографии друзей – поэтов, художников, писателей. А над кроватью, скрытой за ширмой – большой иконостас, –

лики Христа, Божьей Матери, русских святых.

Бывает – засидишься за срочной работой, вместе с Анастасией Ивановной – за правкой рукописи и она не отпустит в ночь, забеспокоится, уложит в кухне и из комнаты долго слышны тихие слова молитв. Сколько бы раз среди долгой молитвы не задремала, вздрогнет, проснется и продолжит – до конца.

В воскресенье в сопровождении кого-нибудь из друзей – непременно, если не больна – в церковь – причаститься, исповедаться. За советом обращается к своему духовному отцу, священнику.

Однако, при всей приверженности православию, Анастасия Ивановна не идеализирует религиозное образование в гимназиях до революции. В интервью «Московскому церковному вестнику» (№ 8, авг. 1989) она сказала: «– Я думаю, что католики – лучшие воспитатели, чем мы. У нас такого разумного подхода к детям я не видела нигде. Я уверена, что православная вера и есть самая радостная, полноценная, жизнеутверждающая, но воспитание детей у нас в России в начале века было очень скучное. Когда нам в гимназии преподавали богослужение, то очень трудно было что-либо понять».

К живому, истинному, от души идущему религиозному чувству стремилась и пришла Анастасия Ивановна Цветаева, у которой тоже как у многих ее современников, в молодости были «отступления», были сомнения, но с достижением зрелых лет сомнения отброшены, религиозность победила на всю жизнь.

Интересно что, как мне рассказывала Анастасия Ивановна, религиозность в зрелые годы ей предсказывал Василий Васильевич Розанов с которым у нее до его смерти от голода в 1919 году длилась переписка.

Сколько бы ни было чудес в мире, самое ценное чудо – сам человек в его духовном порыве – из узкого мирка своего – «Я» – в любовь к людям, к природе, к малому и великому. Бог есть любовь.

Любовью грустной, несколько болезненной – к прошлому полны были сестры Цветаевы в детстве. «С первых лет мы начинаем разговор друг с другом и с мамой с «А помнишь...» у нас (и у мамы, должно быть), сосет тоской по всему, что было, что живет уже только в душе, что – прошло» – читаем в «Воспоминаниях». Романтический взгляд, порыв в нездешние дали мечты восприняты были от матери Марии Александровны. О ней в письме к В. В. Розанову 2 апреля 1914 года пишет Марина Цветаева: «Мамина юность, как детство, была одинокой, болезненной, мятежной, глубоко-скрытой. Герои: Валленштейн, Поссарт, Людвиг Баварский. Поездка в лунную ночь по озеру, где он погиб. С ее руки скользит кольцо – вода принимает его – обручение с умершим королем (...) Весь дух воспитания – германский. Упоение музыкой, громадный талант (такой игры на рояле и на гитаре я уже не услышу), способность к языкам, блестящая память, великолепный слог, стихи на русском и немецком языках, занятия живописью.

Гордость, часто принимаемая за сухость, стыдливость, сдержанность, неласковость (внешняя), безумие в музыке, тоска». Таков портрет матери из-под пера Цветаевой-старшей.

От Марии Александровны в сестрах – особая чувствительность – вчувствованность развитой, разветвленно-чуткой души.

Мне могут возразить, спросить – почему не от отца? А вот почему: «...папа и мама были в церкви. Папа подошел к причастию. «Как зовут сыночка? – спросил батюшка «Сыночка? Имя? – А сыночка-то я и забыл» – ответил папа и, подойдя к маме, спросил: «Как зовут Андрюшу?» – так в отрывке из рукописи «Воспоминаний» Анастасии Ивановны.

Иван Владимирович Цветаев, чей род идет от сельских священников, был профессором, создателем грандиозного музея классического искусства. Мысли его витали чаще всего далеко, в интеллектуальных построениях. Он не был романтичен, хотя слово «романтика» – от слова «Рим», а Риму античному, римским древностям была посвящена его диссертация, шире – искусству Антики – посвящено его детище, музей – дело всей жизни.

Но – от матери – болезненная нежность к знакам прошлого, протянутая в мир любовная причастность к людям, животным, даже к растениям, предметам – такая слитость позволяла сохранять в себе живой образ мира и видеть то, что равнодушный глаз вовек не различит, не

заметит. Из того же источника – их фантазии, их сказки, их детство, проведенное на природе – в Тарусе на Оке в пансионатах за границей и в таинственно– религиозной, первопрестольной и златоглавой Москве... Чувства, ощущения были воспитаны матерью.

Чудесна была в девочках психологическая близнецовость, – одним и тем же голосом, одними словами, одновременно – в унисон сестры, как сиамские близнецы, отвечали на обращенный к ним вопрос. Сходно-выращенный мир души при явной разнице характеров.

Может быть и таинственное качество – видеть одни и те же сны – от матери-ясновидящей?..

Многие цветаеведы удивленно поднимут брови при таком утверждении, тем не менее, из той трагической кантилены, коей звучит жизнь сестер, этого тайного слова тоже не выкинешь...

Мария Александровна Цветаева действительно была ясновидящей, видела вещие сны, в которых преодолевала время и расстояния.

Тому подтверждением – семейные легенды Цветаевых, которые мне рассказывала не раз Анастасия Ивановна, в перерывах меж часами работы над рукописями. Некоторые из легенд ею кратко записаны:

«Однажды с мамой после того, что она ездила в концерт, случилось удивительное: вернувшись из театра, она увидела, что на ней нет ее любимой броши – слоновая кость тонкой работы в золотой оправе – с рельефом женщины в профиль у росяля.

Мама расстроилась: был дедушкин подарок. Поискав с дворником, несшим фонарь, потерю по Трехпрудному переулку, она легла огорченной. Увидела сон:

Камергерский переулок, утро, первый снежок. Она идет по левому тротуару, перед ней – горбик снега, возле него – желтое. Брошь, – думает мама. «Нет, не может быть. Это осенний лист». Подошла ближе, нагнулась и подняла свою брошь. Подняла – и проснулась. «Я пойду искать мою брошь, – сказала она. И хоть убеждали ее, что тщетно, что поздно, что сто раз успели поднять, она пошла. Одно из сна верно, – сказал ей кто-то вслед, – сегодня первый снег. Мама вернулась потрясенная, с брошью. Явь оказалась точной копией сна: левый тротуар, горбик снега, и – желтое.

Ну теперь-то уж наверняка желтый лист, сказала она себе с горечью. Подошла – на тротуаре, под ногами идущих, в одиннадцатом часу утра лежала ее золотая, желтой кости, довольно крупная, круглая брошь».

«Был еще один удивительный сон в маминой жизни. Мама давно мечтала играть на гитаре. Гитара была куплена, но не было учителя. И в тщетных поисках мама увидела сон, что идет по пустынной улице, входит в высокий дом, поднимается по лестнице в верхний этаж и читает на металлической табличке: «Учитель игры на гитаре Шульман». Мама позвонила. На звонок к ней вышел старик с седой бородкой...

Она проснулась. Погоревала, что это был только сон. Прошло время. Нам взяли на смену гувернантке приходящую учительницу немецкого языка. Ее фамилия была Шульман. В разговоре с мамой она упомянула о муже, с которым жила врозь. «Мой муж – учитель музыки, – сказала она, – он дает уроки игры на гитаре и мандолине».

– «Как адрес Вашего супруга? – спросила мама, – моя давняя мечта – игра на гитаре». Все случилось как с брошью: он жил в той же, приснившейся, но оказавшейся реальной, пустынной улочке, в том же высоком доме, на двери его квартиры в верхнем этаже была металлическая табличка с фамилией. Маме – она еле могла заговорить от волнения – отпер тот самый старик с седой бородкой – и мама стала брать у него уроки».

Удивительное – чудесное – случалось и с бабушкой с материнской стороны, род которой шел от польских магнатов, графов Ланцкоронских. Анастасия Ивановна рассказывает: «Как-то бабушка лежала у себя в комнате, читала только что вышедший тогда третий томик собрания сочинений Пушкина. Задремав, она уронила его. Сразу проснулась от стука книги, пошарила рукой, не достала. Встав, обшарила все кругом. Она была совершенно одна в комнате и никто не входил. Книги она не нашла – так и стояли у мамы все тома этого собрания пушкинских сочинений, за исключением третьего тома. Мама не была суеверной, даже вольнодумна немного.

Мы слушали ее рассказ так же строго, как она передала этот факт».

Свидетельство Анастасии Ивановны действительно чудесно, но не невероятно. Случаи спонтанной дематериализации – исчезновения предметов также как и телекинеза – перемещения предметов в пространстве, известны. Некоторые «объекты», в том числе книги имеют особенную «наклонность» к исчезновениям. Например, в библиотеке Пулковской обсерватории книга прорицателя-ясновидящего Мишеля Нострадамуса «Века» прикована железной цепью к стене. Понятно – почему...

Говоря о чудесном в жизни Анастасии Цветаевой, нельзя обойти молчанием духовную роль в ее судьбе археолога, скульптора, художника, поэта-импровизатора Бориса Михайловича Зубакина.

Зубакин, по матери Эдварс, потомок старинного ирландского рода, в котором из поколения в поколение переходили мистические традиции. Судя по хранящимся в одной московской семье остаткам архива, Б. М. Зубакин был оккультистом. Известно также, что он считал себя учеником астролога фон Кордига, в круг которого попал еще в юности. Фон Кордиг обладал большой реализационной силой, властью над материальным планом и, умирая от белокровия, продлил на несколько месяцев – волевым усилием – срок своей жизни, – срок этот был нужен ему для решения одной сложной метафизической задачи. К тому же оккультному кругу до революции был близок и Г. О. М., автор «Курса энциклопедии оккультизма», в котором раскрыты некоторые тайны Великих Арканов Таро, одной из грандиознейших универсальных систем древности. Г. О. М. – Георгий Оттонович Мебиус в советское время был арестован и в тюрьме, как рассказывает Анастасия Ивановна, принес «неприятность» следователю. Будучи поставлен на «поток» (то есть на непрерывный допрос, когда следователи сменялись, а арестованный сидел за столом по 48, по 50 часов), Георгий Оттонович, видимо, стал пользоваться для поддержания своих сил иными, тайными источниками энергии, которые известны людям, знакомым с сокровенными знаниями Планеты. Проявилась эта энергетическая подпитка случайно и довольно забавным образом: в здании НКВД шел ремонт, на столе у следователя лежали электрические лампочки; Георгий Оттонович взял во время разговора одну из них, вертел ее в руках. Внезапно лампа, никуда не включенная, вспыхнула ярким светом.

Г. О. М. сказал «Извините!» и положил лампу на место. Можете представить себе состояние следователя! – заключила свой рассказ Анастасия Ивановна.

Вот к какому кругу принадлежал Б. М. Зубакин, который обладал развитыми гипнотическими способностями. О них помнит и знает сын Анастасии Ивановны, Андрей Борисович Трухачев, с которым в жизни тоже случалось немало таинственного.

Андрей Борисович рассказывал, что Зубакин однажды находился в гостях у одной знакомой дамы, у которой с детства была атрофирована рука. Посреди общего разговора, между прочим, Зубакин попросил ее принести ему стакан воды. Та взяла стакан... всю жизнь недвижимой, как плеть висящей, атрофированной рукой, сделала это совершенно для себя незаметно, бессознательно, выполняя «приказ» посланный на расстоянии гипнотизером и донесла его до Зубакина, который не отрывал настойчивого, волевого взгляда от безжизненной руки, несущей воду. Но в момент, когда он готов был принять у хозяйки стакан, кто-то отвлек его и, так и не донесенный, стакан упал на пол...

Гипнотический дар Зубакин проявлял не раз и при разных обстоятельствах. К примеру, Анастасия Ивановна описала, как он заставил певца, Глинку-Измайлова забыть о том, что он на выступлении сфальшивил, «дал петуха». И старый певец радостно уехал из Москвы в счастливом неведении относительно происшедшего, гордым тем, что концерт его был на редкость удачным.

Интеллигенция любила Зубакина, круг московской профессуры был для него открыт. О нем говорили, как о блестяще-образованном собеседнике. Восхищались им как поэтом-импровизатором.

Ему как то на одном из выступлений – по рассказу Анастасии Ивановны – бросили из зала слова – «сберкасса», «черт», «берет»... Он их не записал, запомнил; вот он побледнел и – началась импровизация, свободная, как полет птицы над далекой землей:

«Кто – куда, а я в сберкассе
 Не отправлюсь никогда,
 Лучше я отправлюсь в Лхассу,
 Или черт знает куда.
 Кто куда, а я в сберкассе
 Отдаленных звонких лет
 Положу мою кирасу
 И мой рыцарский берет!»

«Кто – куда, а я в сберкассе
 Не отправлюсь никогда,
 Лучше я отправлюсь в Лхассу,
 Или черт знает куда.
 Кто куда, а я в сберкассе
 Отдаленных звонких лет
 Положу мою кирасу
 И мой рыцарский берет!»

Бывало, Борис Михайлович в минорном строе сочинял импровизацию в прямом порядке брошенных ему слов, а потом мог сразу сказать другую, мажорную, на те же слова, но употребленные в обратном порядке.

Нет случайности в том, что мы специально остановились на рассказе об этой яркой и почти забытой личности. Ведь Б. Зубакин, как было сказано, имел на Анастасию Ивановну духовное влияние.

Мистик-Зубакин был близок православию. Патриарх Тихон, имевший с ним беседу, высоко оценил его духовные качества, его красноречие. Ему был дан патриархом чин благовестника. Чин этот позволял, не будучи священником, проповедовать в церквях.

Известно, что на несколько дней в месяц Зубакин полностью уединялся, уходил от всякого общения, известно, что неустанно молился. Существует легенда о том, что он в левитационном подъеме зависал на несколько сантиметров над полом во время молитвы. Он был, как и Анастасия Ивановна, вегетарианец. И он Анастасии Ивановне посоветовал взять на себя на довольно большой срок обет молчания. Когда человек долго молчит, его духовная и душевная энергия возрастают. Как то давно, несколько лет назад, я взял за руку 17-тилетнюю девушку, которая молчала четыре дня, обещала, что не проронит ни слова – хотела себя испытать. И что же? От прикосновения меня ударило током! Мы редко задумываемся о том, сколько силы у нас уходит в речь. Не знаем, не ценим силу слова... Анастасия Ивановна исполнила этот обет в 20-ых годах, когда работала в музее, основанном ее отцом. Работа была спокойная, позволяла поступать по словам Христа:

«Но да будет слово ваше «да, да», «нет, нет» а что сверх того, то от лукавого».

Сколь многое изменил Борис Михайлович в жизни своей духовной сестры, понятно даже из такого, казалось бы малозначительного эпизода: – Я как-то чертыхнулась, – рассказывает Анастасия Ивановна, – а Борис Михайлович сказал, – Вы, Анастасия Ивановна, сами не знаете, что творите. Ведь в русском языке падеж именительный есть одновременно, и падеж звательный. Вы не в шутки шутите, Вы на помощь своей ярости его (сатану) вызываете! Вы же при этом чертыхании, в этот миг можете умереть. В каком же состоянии вы перейдете в другой мир!? – С тех пор дурную привычку Анастасия Ивановна решительно отбросила...

В словах Зубакина действительно скрыта истина, исток ее таков: пространство фиксирует все происходящее, подобно воде, бывшей в сосуде и помнящей его форму; ругательство помогает разрушающим силам фиксировать в пространстве отрицательный импульс, выраженный в слове. Звук ведь может как созидать, так и разрушать. Тем более –

звук осмысленный, ритмически организованный. Ответственность за каждое слово – удел человека духовного. Биоэнергетически слова влияют и на среду и на человека. Слово – ритм, а ритм сопряжен с волновым миром, который всегда невидимо вокруг нас. За пределами элементарных частиц – царство волновых функций и есть волны такой метрики, что могут в единый миг донести информацию Земли в любую точку Вселенной. С точки зрения такого знания еще яснее, сколь важны были советы Зубакина.

О самых высоких вещах беседовали поэт-импровизатор и писательница. Зубакин говорил: «– Никогда Люцифер не придет к Богу, никогда, потому что он закрутил мироздание в обратную сторону и сделал это с божественной силой... Прежде всего Сатана – сумасшедший, он не может выйти из этого...»

На протяжении семи лет Анастасия Ивановна записывала за Б. Зубакиным философские лекции отвлеченного, тонко-метафизического характера – для этой записи она специально освоила стенографию. Лекции читались для узкого круга людей, в котором была подруга Анастасии Ивановны Нэй Мещерская, Л. Ф. Шевелев и другие.

Преданно записывая все лекции Зубакина, Анастасия Ивановна была, тем не менее, нелюбопытна к сеансам гипнотического плана, которые для друзей устраивал Зубакин и, сам понимая некоторую несерьезность этих легких выходов мысли из тела по волнам воли, Зубакин говорил, что ценит в своей духовной подруге именно ее нелюбопытность ко внешним проявлениям чудесного, а углубленность, напротив, в христианское осознание мира как чуда творения Божьего.

Однако, конечно, жить рядом с Зубакиным и не сопричастовать чудесному, было нельзя, потому для Анастасии Ивановны и для сына ее Андрея Борисовича было совершенно естественным, что если хочешь Б. М. увидеть, надо подумать о нём, вызвать в воображении его образ и вскоре – звонок в дверь – на пороге – Зубакин:

– Вы меня звали, Анастасия Иоановна? – так он называл А. И. Цветаеву. Так проявлялось качество – телепата, одно из многих «необычных» его паранормальных качеств...

Потом Зубакин был арестован, но вызволен друзьями. За него хлопотал М. Горький, у которого в 1927 году Зубакин и Цветаева были в гостях в Сорренто, в Италии.

Взаимоотношения А. И. Цветаевой, Б. Л. Пастернака, Б. М. Зубакина и М. Горького – особая тема.

Горький был очарован Зубакиным, его сверхспособностями и даром импровизатора, но потом, убедившись окончательно в его идеализме и мистичности, – испугался, отстранился. Были и другие причины, но – внешние. И все же хранится в архиве Горького письмо, о котором долго намеренно не упоминали, ибо то, что в письме сказано, парадоксально. В нем рукою Горького начертано следующее:

«Я знал трех гениев за свою жизнь, это – Л. Толстой, В. Ленин и Б. Зубакин».

Горький очаровывался людьми. Горький разочаровывался, но известно, по свидетельству долго жившего в доме Горького поэта Вл. Ходасевича, что в политически сомнительных случаях писатель осторожно отходил, не совершал опасного шага и говорил, вздыхая: «Нельзя, биографию спортишь!»

Мне кажется, именно данный мотив возобладал и в отношении к Б. Зубакину и А. Цветаевой, которые оба были религиозны и не подходили к материалистическому «светлому завтра».

Что до Б. Пастернака, который взял под защиту А. Цветаеву после одного эпистолярного недоразумения, то тут, видно, у Горького, сработал тот же «испуг»:

М. Горький хотел материально помочь сестре Анастасии Ивановны – Марине Цветаевой, помочь, конечно, анонимно, ведь речь шла о жене бывшего представителя белого движения, белой армии. А тут об этой помощи упомянули открыто в переписке... И – ответно – у Алексея Максимовича вырвалось: «А о сестре ее Вы не должны были писать того, что написали» (в прощальном, разрывающем отношения письме М. Горького Б. Пастернаку от 7 октября 1927 г. «Известия АН СССР сер. лит и яз». т. 45, № 3, 1986).

И все же, несмотря на отрицательные высказывания о Зубакине, Горький помог, когда тот был арестован. Именно в благодарность за эту помощь Анастасия Ивановна опубликовала в 1930 году в журнале «Новый мир» часть своей погибшей потом при аресте книги о Горьком [1].

То же последовало и при первом аресте Анастасии Ивановны. По крайней мере при втором ее аресте следователь сказал ей: «Горького больше нет, теперь Вам никто не поможет». Из этого Анастасия Ивановна заключила, что при первом аресте помощь была. Первая жена Горького Е. П. Пешкова, которую Анастасия Ивановна хорошо знала, много хлопотала, помогала арестованным. Помощь возможно была и от нее...

Анастасия Ивановна рассказывает, что когда она была еще в гостях у Горького в Италии, Алексей Максимович сам проявлял некоторые чудесные свойства. Иногда мог читать мысли. Например, Анастасия Ивановна его спрашивает: «Алексей Максимович, а Вы читали...» Он хитро смотрит на нее – Люиса Кэроля?! Читал!»

Или – подтверждением – в книге В. Лебедева «Тайны психики без тайн», есть фрагмент посвященный Горькому и говорящий сам за себя: «Живя на острове Капри, Максим Горький работал над второй частью повести «Город Окуров». В ней есть эпизод, когда муж в припадке ревности убивает ножом свою жену. Когда он описывал эту сцену, жена его Мария Федоровна Андреева услышала, как он вскрикнул в кабинете и как что-то тяжелое упало там на пол. Когда она вбежала туда, то увидела следующее: «На полу около письменного стола во весь рост лежит на спине, раскинув руки в стороны, А. М. Кинулась к нему – не дышит! Приложила ухо к груди – не бьется сердце! Что делать?.. Расстегнула рубашку... чтобы компресс на сердце положить, и вижу – с правой стороны от соска вниз тянется у него по груди розовая узенькая полоска... А полоска становится все ярче и ярче и багровее...

– Больно как! – шепчет...

– Да ты посмотри, что у тебя на груди-то!

– Фу, черт!.. Ты понимаешь... Как это больно, когда хлебным ножом в печень!..

С ужасом думаю – заболел и бредит!..

Несколько дней продержалось у него это пятно. Потом побледнело и совсем исчезло.

С какой силой надо было переживать описываемое?»

Горький до такой степени ярко представил боль, ее ощущение, рану этой женщины, что у него образовалась стигма» [2].

Этот удивительный случай говорит об исключительной чувствительности Горького, о связи образа, возникшего в мышлении с отпечатком этого образа на материальный, физический план.

Итак, после смерти Горького Анастасия Ивановна была арестована, Б. Зубакин сослан в Архангельск, там написал книгу о резьбе по кости, создал серию скульптурных портретов потом был брошен в лагерь и расстрелян. Имя своего друга не раз помянула Анастасия Ивановна, упомянут он и в новелле «Статуя», вошедшей в книгу «О чудесах и чудесном». Книга эта собралась из отдельных небольших главок-рассказов, близких к новеллам, если под новеллой, как говорил Гете, понимать небольшой рассказ о необычайном происшествии. Необычайные происшествия у Анастасии Ивановны неизменно имеют духовный смысл, они свидетельствуют художественно о том, что существует запредельный, высокий мир, о котором в гностическом евангелии сказано, что он «вне нас и внутри нас».

О запредельных явлениях – новеллы «Вещунья», «Зайка».

Первая о том, что старуха, явившаяся далекой от веры коммунистке Раисе Мамаевой, оказалась призраком, она давно умерла... Схожих примеров в истории человечества больше чем достаточно. В известной книге Г. Дюрвиля «Призрак живых», изданной в 1915 г. в Петрограде и недавно переизданной, показано, как выделяется астральный двойник у живых людей. Каким образом выделять этот двойник практически, какие психические упражнения йогического характера необходимы для выделения двойника, можно узнать из других книг, где формализованы приемы раджа-йоги, где описаны конкретные, засвидетельствованные многими примеры астральных «выходов».

Астральные тела, призраков видят люди, если они «природны», если они обладают

гибкой психикой. Что до конкретного случая, то когда появляется существо уже ушедшее за пределы жизни, то это, бывает, последствие того, что еще при жизни человек – вольно или невольно – выработал в себе способность выходить из тела, и возвращаться в него как это удавалось; например, известному ясновидцу Эммануилу Сведенборгу.

Тот, кто при жизни был праведен или знал тайны жизни, он из «новой» астральной сферы может возвратиться снова к «грустным берегам» Земли, принять вновь сброшенный в могилу облик, показаться группе лиц или отдельному человеку. Надо только оговориться, что все это возможно до определенного временного предела, потому что со временем духовная монада человека после смерти, то есть после перехода в новое состояние, обретает новые качества, которые отдаляют все больше от Земли. Одна за другой сбрасываются «оболочки», «тела». Сбрасывается перед очередным «порогом» и «лептонное» тело, которое было недавно открыто, а точнее – подтверждено профессором Б. Н. Исхаковым. Лептонный слой или тело – всего лишь один из наиболее материальных составов «невидимого» человека. Приборы его улавливают после смерти тела физического.

Рассказ «Зайка» говорит фактически о том же – т. е. о том, что в первое время после смерти человек может, коль найдет восприимчивого, медиумичного помощника, передать живым свои чувства и желания, как это случилось в «Зайке» с мужем М. А. Галуновой.

Еще – из под пера Анастасии Ивановны – новелла «Верочка Молчановская» – опять подтверждение того, что существует не только жизнь, но и бытие, что смерть – это лишь порог, за которым – *poena vitae* – как сказал Данте – новая жизнь.

В «Зайке» умершая приходит во сне к Анастасии Ивановне поблагодарить за отпевание, за обряд, гармонизирующий посмертный путь человека. Пришла поблагодарить ровно в свой 40-й день. По профессору Исхакову происшедшее чудо – подтверждается: «...период полураспада лептонного поля души равен примерно 9-и суткам! Затем плавно идет дифференцирующее рассеивание и период 99% распада равен примерно 40 суткам. Вы чувствуете аналогии? Названные сроки совпадают со временем поминок по усопшим в христианской религии!» («Путь к себе», № 5, 1991, с. 10). Таково мнение современного представителя науки.

Сходной, но иной природы случай описан в новелле «Девочка». Перед нами пример «порчи» или, другими словами – отрицательного внушения. Старая женщина, каких и по сей день довольно много в украинских и русских деревнях, знающая деревенскую практическую магию, (то есть обладающая развитым комплексом сенсорных и парапсихологических качеств), повлияла на девочку. Она словом, о котором мы уже говорили как о большой силе, поселила в физическом теле девочки, в ее психике направленный деструктивный ритм. И природа более слабого психически существа была искажена. Ритм разрушающий, однако, был выбит ритмом положительным, когда ребенок выпил святую воду – воду над которой в церкви прочитана была молитва.

Слова молитвы – тоже ритм – но ритм, связанный с высочайшими сферами Универсума.

Слова молитвы были прочитаны и запомнены водою на уровне элементарных частиц; на уровне волны. Ритм отрицательный побежден, побежден замысел злой старухи.

Припадки прекратились, девочка выздоровела.

И – о «Воспоминаниях о мощах Иоасафа Белгородского (Горленко)». Так уж устроен мир, что когда человек умирает, уходит, его физическое тело распадается. В разных случаях распадение идет по-разному. Святые, люди гармонической жизни, осветлявшие жизнь до последнего дня постом и молитвами, уходя, земной дом свой – физическое тело – оставляют в гармонии, как навсегда уходящие из дома аккуратные хозяева. Духовный склад человека святого остается долгое время отпечатком на покинутом теле, и тело не подвергается долгое время разрушению, оно продолжает излучать положительную энергию. Излучение может исцелять болезни живых. Так было с могилой знаменитого юродивого Корейши в Москве и с другими православными и католическими святыми христианами. В Индии в этом отношении показателен пример Вивекананды, он оставил свое тело на земле, а сам не вернулся из высочайшей медитации; тело осталось сидеть в позе лотоса, просто ссохлось.

Что касается мощей св. Иоасафа, которые в эпоху «воинствующего атеизма» выставили в музее, то при кончине святого, конечно, включились совсем иные механизмы биологические, чем при смерти фальшивомонетчика, душа которого ни просветленной, ни высоко-духовной не была. Отого не вышло никакого доказательства «ложности» святости, ложности, канонов религии.

И остальные рассказы из книги – «Явление», «О блаженной старице Евфросинье», «Грабители»,

«Ёлка» и другие – все они – свидетельства духовные, все они – маленькие вести и вестники «новой жизни» и возрождающейся веры, на которой, как на стержне, держится Жизнь в самом высшем смысле этого чудесного и таинственного слова. 1991 г.

1. Под псевдонимом – А. Мейн.

2. В. Лебедев «Тайны» психики без тайн, М, 1977, с. 83 – 84.

(источник – Мария Костюкевич «Легенды и были трех сестер»,
«Московский комсомолец» 27.09.1999, стр. 8)

«ВЕРОЧКА МОЛЧАНОВСКАЯ»

Мне именно так, кратко, хочется назвать воспоминания о ней, моем друге, дружба с кем длилась полвека – со дня встречи и до ее смерти. Чтобы еще раз прозвучало ее имя, в моем сердце живущее – как в те дни.

Высокая, стройная, светловолосая. Очки, через которые весело смотрят большие серые глаза, – весело и чуть иронично, словно этой дружественной иронией она хочет потушить, от застенчивости, слишком явное, неудержимое дружелюбие, льющееся из щедрого источника доброты, непривычно щедрого. В век, когда эгоцентризм и сатира овладели людьми, когда доброта – отжившее, устарелое, просто смешное дело! – в ней, в Верочке зажжен светлый иронический огонек, несмыкание с современностью! Ее застенчивое чувство иронии – прежде всего – к себе.

Мы встретились с Верочкой Молчановской на курсах английского языка, на курсах не начальных, а повышения квалификации, ибо начали изучать этот прелестный язык – задолго. Место встречи – Сретенский бульвар, угловой дом, Комбинат иностранных языков, осень 1928 года. Как шло Верочке изучать и далее – преподавать именно этот язык: в ее наружности было что-то английское, скандинавское, чуть-чуть сказочное, хотя она, исходя из ученой семьи, киевской, знала как и я, с детства, и французский и немецкий. Может быть и это сближало нас – та свобода беседы, когда под рукой – с русским – четыре языка, по которым идет мысль, в которых растворяется чувство, располагающее языковым богатством четырех стран, из них три с детства свои, а четвертый с каждым днем зацветает новшествами и открытиями, догоняя три первых. Да, счастье постижения английского было той зоной, в которой цвела наша дружба.

Жила Верочка возле Главпочтамта, в Сверчковом переулке, в маленьком домике, с матерью и мужем, ей совсем неподходящим. Муж ходил по квартире совсем как чужой, казалось попав туда случайно, был сух, отстранен, партиен. В доме рос мальчик лет девяти – Водя, сын умершей сестры Верочки, которого она взяла почти с рождения (должно быть Водя называл себя так в младенчестве по неумению выговорить «Володя»). Своих детей у Верочки не было. Мать – высокая, как и дочка, но с проседью, темная; молчалива, скромна. Одна Верочка в этой семье светла, весела, радостна, напоминая не русскую, а какую-то английскую, скандинавскую? заморскую птицу, сверкающую – из клетки взлетающими между стен заточения, крыльями. Видя меня, а я у нее часто бывала, говорила с веселой ужимкой мое имя удваивая «с» – «Ассия!» Приглашая к шутливости, вызывая веселье, отстраняя окружающее, как призрака.

Так прошло несколько лет. Бывая у меня, она молча обходила взглядом иконы, распятие, никогда не задела вопросом тему религии, увы, ей чуждую. Но это не мешало нашему сближению, как с другими неверующими.

В какой-то неожиданный час – жизнь ее изменилась, она встретила с приехавшим из-за границы преподавателем, как и она, английского, веселым дружелюбным Борисом Реймерсом. Но природный оптимизм Реймерса был окутан тяжестью его биографии: в Сиднее, куда он давно прибыл из старой России, он имел дом, жену и двух дочек, но надумал вернуться на родину, и, уговорился с фирмой, что будет ее русским представителем, переедет в Москву, где ему обещали квартиру для жены и детей. Но въезда семье не дали, как и ему – возврата в Сидней. И мы нежно жалели Бориса...

А Верочка пожалела его всей своей жизнью: в 1935-ом легко распался брак с мужем, и она поселила Бориса у себя. Потом появился, точно его только и ждали, голубоглазый Федя, одновременно и в отца и в мать, веселый, толстый, за что прозван был – Пудя. Пудя рос, как цветок в родительском саду и был так мил, что неожиданно даже обрел любовь холодного, старого мужа Верочки, что жил в другой квартире в том же доме. Бывший муж любовался Пудей и играл с ним, видя его на руках матери во дворе. И так шла жизнь этой необычной семьи и, казалось, шла бы вечно, не наступи революционные и контрреволюционные времена, когда напропалую арестовывали людей. В какой-то нелепый час оторвали от семьи Бориса Реймерса, долго допрашивали откуда он приехал: из Австралии? Почему? Зачем? Из Сиднея? А откуда туда попал? И шли имена городов, как череда грибов, и запарился следователь, переспрашивая, отстраняя рассказ, что Борис был представителем фирмы и по делам ездил, создав свою версию, что Борис – явно шпион, росчерком пера изъял его из нашей жизни – и канул Борис – бесследно. Но беда, говорят, не приходит одна, – и Верочка почти сразу и меня потеряла, взяли меня в 1937 году.

Осталась она одна с Пудей и с матерью в том же сверчковом домике.

Пошли годы разлуки... Долгие! Ибо я, 10 лет прожив в дальневосточном сталинском лагере, одолев их, после полутора лет у сына была снова взята и отправлена «навечно» в ссылку, в Сибирь. Но ссылка кончилась через семь лет. Я снова оказалась у сына, и туда (как узнав адрес мой?) – пришло мне письмо от Верочки Молчановской. Я читаю – ее почерком, вольным, легким как она, французские стихи, где-то ею пойманные, к нашему случаю – о радости обрести после разлуки друга – и мимовольно падают на письмо – слезы волнения, сочувствия.

В ее семье горе – Пудя шести лет упал в колодец и утонул, а Водя погиб на войне, и мать умерла... Москва стала для нее пустой. Но однажды встретился ей когда-то точный киевский друг, потерявший жену, вдовец с сыном и дочерью – и Верочка входит в их дом, взяв семью на руки, дружит с пасынком, но не может никак подружиться с падчерицей – уголек горя в ее жаждущем вздохнуть сердце. На письмо Верочки, где все эти вести, летит мой быстрокрылый ответ.

Идут годы. Я в гостях у Верочки и ее мужа, под Ленинградом, на даче. По странной прихоти судьбы мужа зовут Борис... Еще годы, и, старые оба, мы сидим в Москве в ресторане Пекин и празднуем встречу, едим немыслимую еду, чокаемся рюмка о рюмку, и наша молодость полыхает над нами, живет еще сердце... Но я не сказала, что в мои тяжелые годы Верочка мне все десять лет шлет, аккуратно, как пенсию, помощь.

Жизнь идет дальше. Верочка работает у себя в саду, увлекшись в старости садоводством. Под жарким солнцем, отмечая свои годы.

Болезнь приходит внезапно и падчерица кладет Веру в свою хирургическую больницу, подозревая опухоль. Больную держат ходячей, – опухоли нет, и Верочка радостно звонит Борису Петровичу, что на днях будет дома. Но войдя в палату, где все ее любят, ощущает боль в сердце. Медсестра, вызванная соседками, делает ей укол. – О, как мне хорошо стало! – говорит Верочка, – я, наверное, сейчас усну. Она ложится и засыпает, но уже более не проснется – это пришла милостиво, во сне – смерть. Вскрытие показывает две сердечные болезни, незамеченные врачами, и в дом к Борису Петровичу, другу ее юности, она не вернется. Я все это узнала из его письма, и на мой вопрос, отпел ли он ее, и его ответ, что

нет, ибо они – неверующие, я отпеваю ее и то, что мне дали в церкви, я везу на Ваганьково и закапываю в садочек у папиной могилы пакет с землей и молитвами. Ведь это тут только есть верующие и неверующие, Там – все верующие..

Идет 1966 год. Мне 72 года. Верочке на 5 лет меньше. В эту осень умирает моя старшая сестра Лера, Валерия (в августе), затем Маруся Мещерская, моя подруга, затем – в октябре – Верочка. И в ноябре – вторая жена моего мужа, с которой я дружила; умирает держа мою руку. После похорон я просыпаюсь от сна о Верочке.

Удивленная. Почему сон – о Верочке, когда я, засыпая плакала о Марусе? Я, усталая, не записала сон, как обычно, была не в силах! Засыпаю опять и под утро опять вижу сон о Верочке. Она стоит передо мной высокая и светлая, и, хотя я знаю, что это сон, я как наяву говорю ей – Верочка, теперь, когда вы сами в Том мире – вы поверили в Него, или вы по-прежнему... – но она прерывает меня: – ну, конечно, Ася, раз я в Нем, то я знаю, что Он есть... И она, как и в том первом сне, начинает благодарить меня, за что-то, и я думаю: за что она благодарит меня, когда это она 10 лет мне помогала, а я ей – никогда. Но жадность узнать у нее о Том мире сдает меня: – Верочка, – говорю я, – вы теперь так далеко, что наверное, уже не любите меня, как прежде? – Нет, я вас очень люблю, Ася... И, тут же – по-английски: – I love you!... И я задаю ей один за другим вопросы и радостно думаю: проснусь и запишу все, что она мне отвечает... Когда я все спросила, и она все ответила, и я проснулась, – я помнила одни вопросы свои и ни одного ответа, – ответы остались во сне, в явь они не допущены...

Счастливая от пережитого общения с Верочкой, я хочу понять: почему в эту ночь она дважды ко мне прорывалась? В ночь, когда я уснула, о Марусе плача... И я начинаю считать и досчитываю: это Верочкин сороковой день... А благодарила она меня за единственное, что я для нее сделала – за то, что я отпела ее... Значит, им это Там нужно...

«ВЕЩУНЬЯ»

У меня была подруга Раиса Мамаева, с которой я подружилась в тюрьме в 1937 году.

Ей посвящено несколько стихотворений, написанных мною прямо в памяти – ни карандаша, ни бумаги там не было. Мамаева была китаистка. Неверующая. Их обоих – с мужем ее, делавших революцию в Китае, осудили за то, что не так сделали как полагалось. Муж более не увидел света, а она попала в нашу камеру, где чувствовала себя, среди нас, названных контрреволюционерами – «не в своей тарелке». Но мое знание английского языка и внимание к ее трагической участи повернуло Мамаеву ко мне, и через 20 лет мы нашли друг друга.

Она продолжала быть неверующей. Работала председателем Союза ветеранов в своем районе. Мы виделись, дружили. Однажды она позвонила: – «Приходи, мне надо поговорить с тобой». И когда я пришла, – вот что я услышала:

«Я шла с похорон очень ценного товарища, теперь таких мало. Горевала. И еще я была расстроена вестью, что мой внук – я его растила – стал пить. Я вызвала его для разговора и спешила домой. Уже подходила к дому. Вдруг, преграждая путь, протянулась ко мне из-за голых кустов худая рука старухи. За кустами стояла высокая старая женщина с удивительным иконописным лицом.

– Бабушка, – спросила я, – (она была явно старше меня) – почему ты тут просишь?

Тут же пусто, никого нет...

– А она мне ответила: «Тебя ждала, касатка...»

Ты знаешь, я не люблю такие шутки – никакой мистики! И вдруг... Ты подумай! Я сказала: – «Бабушка, помолись за новопреставленного раба Божия Василия!

Я это сказала!

А она, скрестив пальцы, подняла глаза, помолилась и ответила:

– Ему теперь – хорошо...

Я опасалась, что внук может прийти до меня – и уйти, и, положив ей в руку сколько-то денег, заспешила домой. Но старуха остановила меня – Никогда больше не поступай так с

твоими близкими – это к добру не приведет! С ними надо совсем иначе!

Я поразились: как она могла знать, что на днях я очень резко поступила с моими сыновьями узнав, что они сотворили на даче. Откуда -..., но мысль о внуке, может быть ждущим меня у двери перекрыла все и я бросилась к дому.

Он пришел через 2–3 минуты.

– Ваня! – сказала я, – ты шел по Пятой просеке* вслед за мной! Ты видел старуху?

Ты должен был ее видеть!

– Никакой старухи нигде не было! – ответил Ваня – Совершенно пустая улица!

Я строго поговорила с ним; обещал не пить – но что эти обещания! И после него позвонила тебе. А пока ты ехала, я зашла к соседям спросить их – видели ли они тут эту старуху. Они отвечали, что – да, давно уже живет поблизости, зовут ее «Вещунья»...

Но мы ее мало знаем, и назвали мне дальних соседей, которые с нею общаются. И ты представляешь, я, которая никогда не хожу по соседям – сходила к ним. Они отвечали:

– Да, Вещунья, ее так называли. Она предсказывала... Имя ее – Анастасия... Но почему Вы сегодня пришли о ней спрашивать? Она, ведь, уже года два как умерла!..

Ну, тут, знаешь, я уж совсем встала в тупик...

– Удивительная история, – сказала я, – но тебе она ещё удивительнее, чем мне...

Ты, ведь, не веришь в Тот Мир а я – верю.

[*] Название улицы в Марьиной Роще, в Москве.

«ВОСПОМИНАНИЯ О ПАТРИАРХЕ ТИХОНЕ

(1922–23?)»

Тогда Патриарх Тихон находился в Донском монастыре (Москва) в не совсем понятном для его паствы положении, но в определенные часы дня. Он выходил на прогулку по длинному возвышению над двором, – и верующих, приехавших увидеть его, он, обходил сверху – благословлял.

Вот и я с моим тогда десятилетним или одиннадцатилетним сыном поехала в Донской монастырь. Мы (москвичи) не знали как Патриарха кормят и кто мог старался что-нибудь привезти ему: годы в стране были нелегкие, после гражданской войны, революции и разрухи, начинался, должно быть НЭП (Новая Экономическая Политика, введенная после голода, Лениным). Потому я (после лет, когда я с сыном питалась подолгу сушеной картошкой – живые овощи были недостижимым лакомством) раздобыла где-то 400 грамм сахарного песка. А еще, не зная, как Патриарх там живет, есть ли у него иконы, я взяла с собой цветную, на картоне – см. 30x20, икону Божьей Матери с младенцем, за ее плечом была даль и, мелко – Голгофа, 3 креста, осиянные светом. Двор был полон народом.

Я передала икону вместе с мешочком сахару, радуясь его радости этой Иконе. Но... разочарование, огорчение! Мне вернули Икону. Но в одно мгновение огорчение стало – счастьем! На обороте, на картоне было написано: БЛАГОСЛАВЛЯЮ.

Патриарх Тихон.

Сын Андрей тянул Икону к себе. Я прикладывалась, приложился за мной и сын. Он держал Икону, к нам шли люди и, один за другим, в очередь, люди прикладывались – под подписью, и смотрели на Икону Божьей Матери, которую держал мальчик с детской челкой русых волос, серыми большими глазами, правильными чертами и радостью на лице. Он был похож на Отрока Варфоломея (с картины Нестерова), которому было Видение Ангела в образе старца.

Икона эта была у меня цела до часа моего ареста в 1937 году.

8.VIII.90 г., Кясму, Эстония

«ЯВЛЕНИЕ»

И вот, наконец, – выходящее из рядов, чудо, коснувшееся нашей семьи: не прадедов и

дедов – священников, а племянницы, родной дочери моего брата Андрея.

Она уже несколько лет болела раком, пережила операцию и, скрывая от матери диагноз, жила то дома, то в больнице.

Расставаясь с ней на лето в 1985 году, я сказала ей:

– Инночка, я каждый день молюсь о тебе, но, ведь, молитва сильнее, когда вдвоем!

Помогай мне! Но она ответила: «Тетя Ася, я же не умею молиться, я воспитана вне религии, с детства...»

– Но ты моя крестница, и я буду о тебе молиться! Было начало лета, я уехала в Эстонию. И уже много дней молилась о ней:

– Матерь Божья, помоги ей перейти в тот мир, она же не виновата, что не верит в Тебя, облегчи ей смерть, сделай, чтобы не так страшно ей было там оказаться, ничего не понимая, не ожидая – Эту молитву я без конца повторяла.

Я получила телеграмму от верующей знакомой. Инна Андреевна скончалась и по ее желанию отпета по православному обычаю.

Как! По своему желанию? Удивительно!

В Москву я явилась к 40-му дню. К матери ее, впавшей в сильный склероз после смерти два года назад – старшей дочери от первого мужа и теперь после смерти дочери младшей была приставлена женщина. После поминок она сказала мне:

– А, ведь, Инне Андреевне было перед смертью – явление. Она приехала из больницы и сказала:

– Это не был сон. Это было наяву. Была ночь. Ко мне подошла Богородица и положила мне руку на грудь!

На грудь, где были метастазы, с которыми не знали что делать – врачи, – Инна была слишком слаба для операции.

Вот как Божья Матерь исполнила мою молитву об облегчении Инне перехода в Тот Мир!

Божья Матерь сделала больше, чем я просила – облегчила ей земные страдания и явлением своим сделала ее верующей.

На ее 40-м дне я с удивлением увидела в квартире, никогда дотоле не бывшие там иконы.

Урна Инны захоронена в садочке моего отца на Ваганьковском кладбище.

«ГРАБИТЕЛИ»

Однажды весной – это было еще до начала наших поездок в Колюпаново с Александром Ивановичем – я собиралась ехать туда с молодым поэтом. Проехав до Алексина около 4-х часов на автобусе, посетив могилу Блаженной (могила все также была мне по грудь, не спадая, как соседние две могилы – от снегов и дождей) и набрав у колодца воды, двинулись в обратный путь. Хоть бы удалось сесть в вечерний автобус, всегда переполненный!

– Помоги нам, – сказала я, кладя земной, запрещенный глазными врачами, поклон о землю у колодца. Спутник с тяжелой ношей уже шел по пригорку.

В ожидании автобуса, сидя на автобусной станции, я читала поэту (он был верующим) из переписанной мною в Сибири книги – страницы жизни Блаженной, ее старости, ее чудес. Время шло.

Мне понадобилось выйти и, оставив сумочку с расходными деньгами в кошельке и тетради записей моему молодому другу, я пошла в далекую станционную уборную, через длинную площадь, освещенную высоким фонарем. Вечерело. Я не успела взойти на маленькое возвышение, как в бледном свете показались две мужские фигуры.

– Ребята, мужская – рядом, направо – сказала я.

– А, ладно, мать! – отозвались они. Но вместо того, чтобы повернуть туда, они вбежали ко мне, вырвали из рук мой карманный фонарик, палку, сорвали очки, бросили их на каменный пол и, подняв платье, стали молча по мне шарить – четырьмя руками.

Почему я не испугалась? Потому ли, что 10 лет в лагере провела в их и их подруг обществе? Но я не сразу поняла, что они ищут деньги. Значит все-таки испуг был, отбив рассуждение. А когда поняла – Ребята, – сказала я, – вы ищите денег. На мне денег нет, они в сумке, на автостанции. Если туда придете – десятку дам, больше не могу.

Не отвечая ни слова, жулики сосредоточенно продолжали искать, шаря по всему телу.

По временам один из них выходил – не идет ли кто? – и возвращался, и обыск продолжался. Они не верили, что на старухе ни за чулки, ни в белье не спрятаны деньги. Теперь уже в две руки.

– Только не убивайте! – сказала я, – у меня сын... Отпуская меня, один из них сказал:

– Иди, пока не зарезали!

Идя мимо него я подумала: – Не ударит ножом? Но как-то отстраненно, как не о себе. Я выходила на площадь под высокий фонарь.

И вдруг меня охватил ужас: как же я сказала, что на мне нет денег? Я солгала! А в 28 лет дала себе слово – не лгать (это удалось и на допросах). И вдруг нарушила? Как же нет денег на мне? Ведь у меня на поясе мешочек с деньгами, который с 1935 года с первой поездки на Алтай к сыну я сшила себе для денег и документов – в нем и сейчас лежал паспорт и пачка денег, более крупных, чем в кошельке. Но залившая меня радость унесла испуг: я поняла, что Блаженная отняла у меня память, а у них – ощупь! Четыре руки меня щупая, они не нащупали толстого мешочка, обвязанного вокруг тела – толстой тесьмой! Они бы, конечно, не стали бы терпеливо, как я, развязывать тесемки, а полоснули бы по ним и по животу – ножом...

Блаженная Старица Евфросинья! Ты услышала мою просьбу во время моего земного поклона, мое «Помоги нам!»...

Но еще не все о том дне: войдя в автостанцию, я имела неосторожность рассказать происшедшее моему спутнику, поэту. Он вспыхнул, как спичечный коробок.

– Как они смели трогать Вас! Их надо поймать! И очки с Вас сорвали, и палку...

И он бросился звать милицию – составлять акт.

Теперь я за другое боялась: поэт забыл взять с собой паспорт!

Его уведут, а как я одна потащу воду? Я бросилась навстречу милиционеру.

– Никакого акта! Меня не тронули! Я не пострадала! А вот фонарь над уборной повесьте, там – тьма!

Но спутник настоял, чтобы искали очки, палку, фонарь. Брошенные об каменный пол очки были целы, палку нашли, а фонарь они унесли с собой.

– Очки, наверное, не стекло, а пластмасса! – малодушно подумала я.

Но малодушие моего рассуждения стало ясно мне годы спустя, когда сев на камень, на Эстонском берегу, я неосторожно села на футляр с очками – и стекла, прижатые к камню, разбились, – те же, что в Алексине об пол каменный брошенные – уцелели.

Как и мешочек мой, и как я сама – на земле Старицы Евфросиньи, где она жила 20 последних лет.

Автобус ушел без нас, и мы просидели ночь – до утреннего, дочитывая страницы о княжне Евдокии Вяземской, и перед утром прилегши на станционных скамейках. Но воду мы довели – благополучно.

«ДЕВОЧКА»

Сын мой работал в Павлодаре и я ежегодно ездила туда. Семья наших друзей, добрых и честных, имела, однако, враждебно к ним настроенную старушку, о которой в народе упорно ходили недобрые слухи. И видели ее, стоявшую на углу их тихой улочки, смотревшую на их дом и что-то подолгу шептавшую.

Вскоре заболела странной болезнью их трехлетняя внучка: врачи, терапевты и невропатологи не находили в ней никакой аномалии, а она с какого-то дня, ежедневно, в шесть часов вечера начинала кричать, гнать от себя любимых ею родных, в слезах и мучимая чем-то вроде судорог, билась словно в припадке. Когда старшие, жалея ее, подчинялись ее

требованию и уходили в дальнюю комнату, девочка, в слезах, кричала им вслед: «Я боюсь одна, я должна кричать, но я боюсь одна...»

В тот год, я, приехав к сыну, их навестила и узнала это странное происшествие.

Ребенок худел, таял, врачи помочь не могли.

– Знаете что, – сказала я, – я привезла остаток чудотворной воды, о которой напечатано в книге, изданной в Лавре. У меня только маленький пузырек. Давай попробуем! Начните до шести вечера, давайте ей – ну, хоть по одной чайной ложечке, – тут хватит на несколько дней!

Они радостно согласились – и в первый же день с ребенком не произошло ничего, много дней повторявшегося. Девочка допила содержимое пузырька и стала быстро поправляться. Она жива и сейчас, уже взрослая.

«ЁЛКА»

Летом 1959 года, когда я после всех моих «приключении» арестов, допросов, тюрем, этапа, лагеря, ссылки (с 1937 по 56) приехала в Тарусу к моей старшей сестре Валерии (Лере), она – неверующая, сказала мне:

– Ася, сходи на нашу бывшую дачу, в Песочное, и ты увидишь удивительную вещь:

Помнишь, папа в детстве вашем с Мариной посадил вокруг дачи три елки, по именам трех дочерей – Леры, Муси и Аси? Так вот, наши с тобой – целы, зеленые, а Маринина – ну, поди, сама увидишь.

По длинной дороге: тропинками над крутым берегом Оки, пошла в наше летнее (еще до меня – в 1891 и по 1910 год) лесное волшебное жилье, так давно родителями выбранное.

Вверх, вниз вьется тропинка над родной Окой с отражением облаков. Спуск, бревенчатый мостик и крутой подъем по песчаной дороге под березами и тополями.

Все знакомо до боли душевной, до сердцебиения физического. Годы заключения на Дальнем Востоке тают как дым, огромные пролеты по железным дорогам, Сибирь, и пешее хождение с чемоданом и мешком за плечом – все пропало, умолкло, увяло злым сном... ..Только одна калитка эта, вход с Оки, с песчаной дороги – в склоненность нашего сада. Щебет птичий, звенящая тишина, кусты ягодные, малинник, заросшая крокетная площадка, со стихшим над ней весельем голосов...

Перестроенная, чужим духом пахнувшая дача в два этажа, балкон. Вбок от ее середины старшая елка, Лера! От нее справа, перед моей светелкой – елка Ася! Но взгляд мой отводит остов третьей, седой, до корня засохшей елки – перед марининым окном, вдохнувшим столько стихов ее юности... Теперь перед окошком – призрак. Он встает из той же земли, где зеленеют елки – Лера и Ася...

Я стою, онемев, а птицы не внимают мне, свищут. Кто скажет, когда, в каком году стала такой елка Муся, – постепенно? Сразу в 1941-ом – в день смерти Марины?..

Скорее назад, к Лере...

13.06.1991 г., Переделкино

«ЗАЙКА»

Один друг мой, женщина-врач, Магдалина Александровна Галунова была замужем за человеком старше ее, уже вышедшим на пенсию.

Он заходил за ней на работу в часы ее вечерних приемов. Была у нее пациентка, приходившая к ней на прием после своей работы и видевшая ее мужа.

Шли годы и однажды эта пациентка услышала, что ее врача постигло горе – ее муж умер.

И вскоре пациентке приснился сон, странный сон про умершего. И она пришла к его вдове рассказать этот сон.

Пациентка была неверующая.

– Вы знаете, я не люблю все это, – сказала она, – сны и так далее. Но этот сон касается

Вас, и я пришла Вам рассказать его, сама не знаю почему. Ваш муж подошел ко мне и сказал: «Берегите Зайку!» – Какого «зайку»? Игрушечного что ли? – спросила я. – Нет, – сказал он – моего зайку!..»

Вы знаете, я отрицаю всякую мистику – с некоторым раздражением сказала пациентка и услышала в ответ:

– Да это он меня называл «зайкой»!

Была осень. Мой друг неутешно скорбя об умершем, ездила каждый день к нему на могилу. Однажды и я поехала с ней. Мы долго шли по кладбищу, могила была далеко; был вечер.

Я подумала: А ведь страшно ей сюда ходить одной... Но, конечно, ничего не сказала.

Вскоре неверующая пациентка снова пришла к своему врачу.

– Опять Ваш муж мне приснился! – сказала она с явным раздражением. Почему он мне снится – не понимаю! Но в этот раз он никаких «заек» не называл, а просто передал поручение: – «Скажите моей жене, чтобы она не ходила ко мне на могилу вечерами, – это опасно!»

И уже и раздраженно и растерянно: – Я пришла Вам это сказать!

Мой друг послушала совета своего мужа.

«ИКОНА»

В те годы, когда я писала в моих «Воспоминаниях» часть «Детство», я, может быть, инстинктивно чувствовала, что будет понятно всем, а что – слишком интимно, я не написала об одном, тайно греющем чувстве, связанном со словом «Спаситель» и с иконой Христа. Но в какой-то миг тишины, в одиночестве попыталась воссоздать его.

Оно легло в слово «Спаситель» -...«Слово такое странное и родное, как бывает собственное имя, как Андрюша, Муся, Ася – полным кругом вокруг детства. Слитое с ликом на образе – поднятая благославляющая рука. Волосы по плечам, синие глаза в тебя глядящие. Алая и голубая одежда. И пурпур длинного плата, какого не увидишь в жизни. И перед образом огонек красной лампы. Точно он сам загорелся, в сердце тайны, которая есть и молчит о себе, и – зовет.

И так живо вспомнился мне тот мамин образ Христа, который не видела с самого детства.

Очень немного спустя в общей квартире, где я жила после реабилитации 17 лет (с 1962 по 1979 гг.), в бывшем Пименовском, раздался телефонный звонок. Меня спросили, можно ли ко мне прийти. И пришла женщина, знакомая Марии Степановны Волошиной. Она несла большой сверток, прямоугольный.

– У нас в квартире умерла старушка, остались иконы и все бояться их у себя держать. А у Вас в уголку киот... Вот я и подумала: может быть Вы возьмете...

Она вынимала большую живописную икону Сретенья (В день Сретенья мой сын был освобожден из заключения) и икону поменьше, тоже без ризы, образ Христа.

Благославляющая рука, волосы по плечам, синие глаза в тебя глядящие. Алая и голубая одежда, какой нигде не видишь. Я стояла пораженная: словно Сам образ захотел жить там, где о нем рассказали, каким его видели в детстве. Он живет у меня с тех пор уже лет 15 или более...

«МОНАСТЫРСКИЙ ИСТОЧНИК»

Однажды художница Ирина Бржеска повезла меня и мою спутницу – в монастырь – из Таллина; путь длился четыре часа. Я сидела левой щекой у замерзшего окна автобуса – и простудилась (дело было на Рождество). В монастырской гостинице нам дали теплую комнату, с подушками и стеганными одеялами, сшитыми из цветных треугольников и квадратиков – из просто народной русской мозаики. По протекции художницы, дружившей с Игуменьей, нас пригласили на Рождественский обед. Гостей было много и в комнатах, и на

лестничной площадке. Еда была проста и одновременно – сказочна. Цвел монастырский квас, а вокруг горело несметное число украшенных елок – это была, отраженная в зеркалах одна елка, рождественская.

После обеда я подошла к Игуменье, прося ее бла гословения.

– Матушка, разрешите ли Вы мне зимой окунуться? Мне идет восьмидесятый год.

– С верой? Конечно! – ответила Игуменья, – наши женщины каждый день купаются.

Смотрите: седее Вас, – а такие розовые...

– Я обрадовалась и пошла в купальню с обеими спутницами – хотя они окунуться не собирались. Стоя над черной водой, уже раздетая, я себя спросила:

– Ведь ты простужена? И зимой окунаешься – впервые... и матушке об этом не сказала... И ответила себе:

– Но ты веришь, что вода эта – не простая? И ответила: «Верю...»

– Тогда в чем же дело? – Лезь...

Я стала спускаться по лесенке. Нет, не холоднее была вода, чем летом! Думаю, что показалась даже теплее из-за контраста, летом в жару большего. Но что весело было мне, когда я вылезла из воды, три раза во имя Отца и Сына и Св. Духа окунувшись, – это то, что не было и следа от простуды: точно вынули из меня занозу – и все.

«О Блаженной старице Евфросинье, княжне Вяземской Евдокии Григорьевне (1735 – 1855)»

I.

Книгу о ней, изданную в 1903 году в Сергиевом Посаде я взяла у моего соседа в селе Пихтовка, в ссылке. Прочитав ее, я спросила у соседа, не может ли он ее продать. Но он ответил, что она принадлежит не ему, а монахине, что он должен будет ей ее вернуть. Тогда я стала книгу переписывать. (Увы, конец ее был оторван, все кончалось на 78 странице на полуслове). Из книги перерисовала, увеличив, портрет Блаженной – повесила на стену. Портрет, побледнев, цел до сих пор.

Евдокия Григорьевна, княжна, была фрейлина царицы Екатерины Великой, но придворная жизнь угнетала ее, и она вместе с двумя другими фрейлинами решила покинуть Царское Село. Втроем они переплыли Царскосельские пруды, оставив свои пышные одежды на берегу, а на том берегу надели простую одежду, принесенную им по уговору крестьянками и ушли по сельским дорогам к митрополиту Филарету. По пути им приходилось быть то просфирнями, то доярками. Митрополит благословил их – каждую – на ее подвиг, Евдокию – на подвиг юродства, и она до конца жизни его соблюдала. Окончив 1-й выпуск Смольного Института, учрежденного Екатериной II, зная языки, музыку, все, что преподавалось в Институте благородных девиц, Евдокия, приняв монашество и имя Евфросинья, говорила прибаутками, предсказывала, творила чудеса; 40 лет прожила она в хижине возле Серпуховского женского монастыря. Кормила любимых собак и кошек, сама вкушая по несколько золотников в сутки и неустанно молясь. А царица, поискав в прудах баграми, сочла фрейлин утонувшими.

Первая игуменья ее почитала, а по смерти игуменьи другая Евфросинью не взлюбила: велела бросить в хижину-келью, где Блаженная жила с животными, пук зажженной соломы. Туша огонь, Евфросинья обожглась сильно. И тогда ей приносил корочки хлеба, корешки и глоток воды – ворон, которого она, все предвидя, научила клевать кашу из ее рук, а затем – из ее рта – (это видели ночевавшие у нее странницы, не понимая, зачем она это делает).

Когда же игуменья велела убить ее 3-х собак, Евфросинья, горько плача, сказала:

«собак убили – и меня убьют» и уехала из Серпухова в село Колюпаново под Алексиным, посещала крестьян, мещан и помещиков. Одна помещица построила ей избу и окружила балясником. Блаженная поселила в избе корову, которую ей подарили ее почитатели, а сама жила в бедной хижине. Собирала травы, корешки, камешки.

Застав ее за этим, французские офицеры посмеялись над ней, на что она устыдила их на их языке и они, поняв свою ошибку, кланялись ей и просили прощения.

Ста лет Старица выкопала колодец, над ним построили купальню, она велела больным купаться в той купальне: и больные исцелялись.

Прожила Блаженная Евфросинья 120 лет, за три недели до смерти ей на литургии явились ангелы: «Пора тебе, Евфросиньюшка – к нам!» – и она, раздав иконки, книжки, платочки, все свое имущество, тихо скончалась в воскресенье, после обедни, в три часа дня – в 1855 году. Помещица Протопопова испросила у Митрополита разрешение похоронить ее под полом церкви. Отпевали ее 6 священников.

И немного прошло времени когда Старица явилась во сне своему духовнику – со словами: «Углубитесь на аршин – будет благоухание, копайте глубже – увидите, кто лежит». Но священник не понял, испугался и стал служить о Евфросиньи панихиды.

Все это и много больше я рассказала моей 6 – 7-летней внучке Рите, привезенной мне в ссылку в Сибирь, в село Пихтовка (тогда ссылка была назначена пожизненной)..

2.

Однажды, сильно боля горлом, живя одна в построенной из конюшни избушке, зимой, я мучилась острой болью, и решила утром идти три километра – в больницу. Я молилась Блаженной – и внезапно ощутила, что боль сразу прошла. И спал жар. Будь это от прорвавшегося нарыва в горле, был бы гной, но горло было чисто, я была здорова. Это было первое чудо в моей жизни от Блаженной Евфросиньи.

3.

Прошло три года. Вечером я сидела в избе над больной 7-летней внучкой, у нее поднимался жар. На глазах распухла и краснела ручка. Рита не давала ее касаться, дрожала. Больная рука стала вдвое толще здоровой, багровая, Заражение крови?

– Рита, – сказала я, – идти в больницу мы не можем – метель, собьемся с пути.

Мама на работе допоздна. Мы можем сделать сейчас только одно – молиться Блаженной Евфросинье (Рита историю ее знала). Мы стали перед иконой и со всем отчаянием и со всей надеждой стали молиться.

Сколько мы молились? Минут 10, не больше, должно быть, – когда внучка со страхом и радостью протянула мне руку – руки были одинаковые, от опухоли и красноты – ни следа. И жар спал. Это было в селе Пихтовка, Новосибирской области, зимой 1955 года на Первомайской улице.

4.

По окончании ссылки в 1959 году, я, с пожилой знакомой Татьяной Петровной Андреичевой и 11-летней внучкой Ритой по указанной книге о Блаженной старице Евфросиньи, поехала искать ее могилу и источник – в Тульскую область под город Алексин. Но не сразу мы попали туда, так как, ища деревню Колюпаново, место упокоения Старицы, приехали в Калужскую область, в другое Колюпаново, ошибочно и узнали, что там никогда не было церкви.

Переночевав на станции, мы поехали по второму адресу. Усталые, но радостные, мы сели в Алексине на местный дребезжащий автобус и, сойдя, по совету местных жителей, у деревни Свинки, пошли пешком искать Колюпаново.

Но нас направили сначала к источнику, в широкую и тихую долину, где, по звуку текущего из него ручья, Рита нашла источник и привела нас к нему. Он истекал из узкого

квадратного колодца, дно коего было усыпано медными и серебряными монетами. Над ними воды было с полметра. (Ни один озорной мальчишка их оттуда не выгреб – рассказы старших о старице Евфросиньи довели, значит, и им!).

Мы попили водички, лившейся струей в ручей. Ручей бежал в густых берегах, перебегал через дорогу, шедшую вдоль берега – и впадал в Оку.

Рита знала, что в 100 лет, выкопав этот колодец. Старица сказала: «Купайтесь и будьте здоровы!» Потом у колодца построили купальню, до революции служившую больным. От нее и следа не было – в революцию разломали не только купальню, а и часовню над колодцем, воздвигнутую, зримую на картинке в книге, там у часовни стоял священник.

Все предсказания Старицы Евфросиньи исполнились, кроме одного – что будет тут в Колюпанове, обитель. (Обитель строится или в случае явления иконы или на мощах).

С кончины Старицы прошло (идет 1990 год) 135 лет, а обители все нет. Но если 1000 лет перед Богом – как день один, то 135 лет подобны нескольким часам.

В книге о Старице Евфросиньи значатся слова ее об Императоре Франции – задолго до Наполеона. – «Что Вы, Матушка! – возразила ей молодая женщина, – во Франции – король!»

– Знаешь ты! – отвечала Блаженная, стоя у окна, глядя в пространство, показывая вперед, отведя руку от лица своего – нос у него – такой! (Ей виделось лицо Наполеона...).

Но вернемся в Колюпаново.

Мы искали сперва – где церковь. Затем, узнав, что она сгорела в 1931 году (когда, разорив ее и устроив в ней сапожную мастерскую, в ней забыли, в жаровне, горящие угли) и зная по книге, что похоронена Старица была под полом церкви, мы искали и искали могилу. Увидев нас, к нам с холма от стоящей избушки сбежала пожилая женщина: «Вижу, какие вы люди! Чего ищете!» И свела нас к поляне, окруженной лесом, где было две могилы (священников), а меж них – высокая круглая в форме клумбы – «Вот могила нашей святой! Чудеса делала! Мой отец от своего отца слышал...»

Тут некогда стояла деревянная церковь во имя Казанской Божьей Матери. Ныне по середине пустого места возвышалась могила Старицы, а по ее сторонам – две невысокие могилы священников. Под дождем и снегом простояв с 1931 года, 28 лет, они снизились, естественно, и странно возвышалась над ними не пострадавшая от снега и дождей таинственной формы могила Блаженной. Я – невысокого роста, но она была мне по грудь. Сюда в 1855 году, 104 года тому назад, было под церковь опущено тело Чудотворицы по распоряжению Митрополита.

Вот к этим двум святыням я с друзьями – ездила почти ежегодно с 1959 по 1974 годы, 15 лет. И могила Старицы не снизилась, а две могилы вокруг опустились почти до земли. Я ездила туда чаще всего с Александром Ивановичем Шергуновым, с будущим, отцом Александром. Дружа с ним и с его женой с 1966 года, я перед поездкой оставалась у них на ночь и мы рано утром пускались в путь: к ночи возвращались, мой Спутник – с тяжелой канистрой чудотворной воды для раздачи больным.

5.

Но однажды по пути туда с нами произошло – удивительное. Сойдя с местного алексинского автобуса мы, на пешеходном остатке пути – заплутали. Никак не могли найти дорогу, которая вела в долину, где был родник. Внезапно Александр Иванович остановился – «знаете что? – сказал он, – над нами все кружит жаворонок. Потом летит вперед – и снова возвращается. Как будто зовет. Пойдемте за ним!» И как только мы это сделали – жаворонок полетел вперед и вперед, затем повернул вбок – и мы вслед за летящей птицей вошли в утерянную долину.

Мы теперь ездили в Колюпаново ежегодно.

«О МАРИНЕ, СЕСТРЕ МОЕЙ»

Мальчик к губам приложил осторожно свирель,
 Девочка, плача, головку на грудь уронила,
 Грустно и мило,
 Скорбно склоняется к детям столетняя ель.
 Старая ель в этой жизни видала так много
 Слишком красивых, с большими глазами, детей,
 Нету путей Им в этой жизни. Их радость, их счастье – у Бога.
 Море синее вдали как огромный сапфир,
 Детские крики доносятся с дальней лужайки,
 В воздухе – чайки,
 Мальчик играет, а девочке в друге – весь мир.
 Словно читая в грядущем, их старая ель осенила,
 Мощная, старая, много выдавшая ель,
 Плачет свирель...
 Девочка, плача, головку на грудь уронила.

Легко ли поверить, что эти стихи написала девушка, еле перешагнувшая порог отрочества?.. Такова была Марина. Она все знала – заранее. Ее грусть, в ней зажженная еще в детстве, чуя все, что потом придет, делала ее в 15, в 16 лет – тою столетнею елью над теми детьми.

Отец наш писал о Марине: «Какие способности дала природа этой 13-летней девочке! Как она будет жить с ними? Ей будет очень трудно жить!...»

Да, в 12 лет, приехав во Фрайбург (Южная Германия), где лечилась наша мать, поступила в интернат немецкой школы, она после экзаменов, ею пройденных, была определена: по предметам, ей чуждым – математике, химии, естествознанию в класс своего возраста, а по гуманитарным – истории, литературе и по языкам – в старший класс, к 17-ти – 18-тилетним.

В ответ на просьбу написать о Марине что хочу – захотелось об удивительном, с нею связанном.

В моей книге «Дым, Дым и Дым» (1916) есть страница, начинающаяся словами: «Маринина смерть будет самым глубоким, жгучим – слов нет – горем моей жизни». Нам было 24 и 22 года. Марина всегда, с детства, была здоровее меня. Как смогло перо мое написать о смерти ее слово «будет» -? Ничто не предвещало ее. Откуда было это душевное предвестие? Без всякого «если»! Как я смогла окунуться в силу, в ощущение этого горя – вдруг? С птичьего полета заглянуть из 1916 года в 1943, когда, два года бережа меня от вести о ее гибели, все же не смогли уберечь – весть дошла до Дальнего Востока, где я была на 10 лет в заключении. ОДНОГО не предугадала – что буду далеко от нее, не смогу даже мертвую ее увидеть, проститься.

На похоронах одного из братьев Гонкуров другой поседел. Но он на этих похоронах был. У меня было отнято даже это. Только силу удара я в 1916-ом вдруг ощутила.

Было еще и другое: был сон в конце августа 1941 – или в первые дни сентября – нет, первого сентября был, помнится, ликвидком (ликвидационная комиссия) проектно-сметной группы, где мы работали, а значит сон был в августе, когда решалась судьба Марины – сон о ее смерти. Я проснулась в таком испуге, что не дала себе осознать, кто умер, но и лгать не могла и определила, что сон был о смерти самой близкой мне женщины – имени не назвав?

Этот сон! Поданный мне, ее, по ее названию – «неразлучной» – и как он мог не быть подан? Узнала я, что он был правдой – только через два года. Но он был.

А что Марина умрет раньше меня, я написала и в пропавшем при аресте двухтомном романе «Нюрнбергская хроника». Там семья наша была переселена в Германию. Мама звалась фрау Мария, мы – Беата и Эрика, и старшая из нас была невестой англичанина, когда разразилась мировая война 1914 года – и разлучила их. Тогда Беата поступает на курсы сестер милосердия, перебарывая нелюбовь к медицине и идет на фронт в фантастической

надежде где-то в боях встретить своего жениха. И погибает. Младшая, Эрика, остается жить.

Откуда я знала, что Марину – переживу?

Идем дальше, узнав о Марининой гибели и об оставленных ею письмах, – сыну, мужу, дочери и Асееву (поручая ему сына) я спросила себя – и весь воздух, который только и могла спросить: как могла Марина уйти, не упомянув меня? Молчание в ответ было моим живым страданием. Но на этот вопрос я получила ответ и именно в эти дни. Вторая жена моего мужа Бориса, самый близкий мне человек после Марины, прислала письмо, где сообщила, что в бумагах своего погибшего в тюрьме второго мужа, Б-на, она нашла подобранное им в марининой квартире в Борисоглебском переулке (после ее отъезда из России) – письмо ко мне 1910 года, прощальное, написанное перед ее неудавшимся самоубийством и не уничтоженное ею с 1910 до 1922 года. «Я передам его при встрече, – писала Мария Ивановна, – а пока шлю его копию». Это было как удар грома в мои тоскующие и вопрошающие дни.

Увы, когда я пишу все это, у меня опять нет его со мной в мои 94 года, – но его содержание: Марина прощалась со мной, просила меня не бояться ее, знать твердо, что она никогда ко мне не придет даже призраком, помнить ее и в весенние вечера, петь те песни, детские, девические, которые мы пели вместе после нашей двойной любви к В. О. Нилендеру, – просила меня никогда ничего не бояться, ничего не жалеть. И была в конце фразы: «Только бы не оборвалась веревка! А то не доведется – гадость, правда?»

Я держала листок копии этого письма, руки мои дрожали, я стояла на моей лагерной койке на коленях перед уже висящим на стене портретом, карандашным, увеличенным мною с присланной мне ее фотографии. Я стояла лицом к нему, к ней, спиной к комнате, к женщинам, моим спутницам по беде. Заливалась слезами...

Разве не чудо было читать его впервые теперь, в 49 лет, не чудо ли, что Марина не порвала его – разве оно не попадалось ей в руки? И не чудо, что оно пришло теперь, после ее самоубийства – узнать, что она не забыла меня, в ответ на мое горе оставленности?..

В 1960 году, когда я смогла поехать искать ее могилу в Елабугу, я узнала от А. Ив. Бродельниковой, ее елабужской хозяйки, что узнав ее имя и отчество, Марина повторила его и – «У меня есть сестра Анастасия Ивановна...» Так она за несколько дней до смерти произнесла мое имя.

В 1943 году, на Дальнем Востоке, в сталинском лагере, когда я узнала о смерти Марины (от меня два года скрывали), я все свободное время сидела за увеличением Марининых фотографий, портретов. И с лучшим из этих портретов произошло следующее: техника увеличения: крошечные клетки, легко начертанные на фотографии, автоматически повторялись в масштабе увеличения и ни йоты фантазии в этой работе не могло быть. Я начинала всегда – с глаз. Правый, затем – левый... Фотография, мне присланная, была, увы, неудачная по выражению лица: будничное, никакое. Я автоматически воспроизводила линии и тень между них, то есть автоматически повторяла, увеличивала глаз с неудачной фотографии. Но на меня глядел неуловимо себя утверждая, живой маринин глаз. Удивясь, я, туша радость, сказала себе – Идиотка! – ты сфантазировала тут что-то – и теперь между глазами будет несходство, психологическая косина! Но и со вторым глазом произошло то же и оба – правый и левый переглянулись единством на пустом листе...

И еще о Марине: с 1907 по 1910 год. Она жила на антресолях отцовского дома в крошечной комнатке – письменный стол, диван и портреты любимых героев – на стенах. А в 1910 году Марина сошла вниз, поселилась в бывшей кладовой, а позднее – в комнате экономки, двухоконной, окнами во двор. И подоконники она устала горшками комнатных растений. Любимый ее цветок был «серолист» из семейства бегоний, листья которого усыпаны серебряным узором.

Итак, в 1943 году, на Дальнем Востоке, погруженная в свое горе, я увидела у одной вскоре освобождающейся женщины, у койки ее в большой кадке как бы увеличенный в лупу, как с ее подоконника, цветок, любимый Мариной, разросшийся в комнатное дерево – серолист. Я сказала о Марине владелице дерева и она подарила его мне, заповедав ежевесенне его пересаживать в новую землю. Дерево стало моим.

В тихий осенний вечер мы сидели, человек пять, пришедших с работ, кто за письмом, кто за вязанием, кто за чаем, в полной тишине – многие еще не пришли, и дерево с нами, как член горестной нашей семьи. Я – рисую Марину...

Было совсем тихо, никто не шел по мосткам, ведущим в маленький наш барак, и не было за окном ветра.

Внезапно, как бы в порыве сильного ветра, все ветки серолиста всплеснулись шумно.

Все мы пораженные смотрели друг на друга, молча, я – оторвавшись от маринино портрета. Дерево медленно успокаивалось...

Марина дала знать о себе?..

Моего заключения прошло 6 лет, оставалось еще четыре. Эти годы прошли без переездов, на станции Известковой. Каждую весну я пересаживала маринин серолист в новую землю. Переносили мне мою кадку из барака в барак – кто-нибудь из мужского барака – за полпайки. И рассталась я с ним в день освобождения 1 сентября 1947 года. У кого этот серолист дожил свой век?..

И последнее: с 1941 года жизни я впервые начала писать стихи. Сперва – английские, затем – русские. Поток стихов залил мои тюремные дни (стихи, рожденные в воздух, утвержденные памятью, ибо даже карандаш в советских тюрьмах был запрещен). Стихи продолжались и в лагере. Но с дня, когда я узнала о гибели Марины, стихи иссякли. И только через 31 год, в 1974 году я написала «Мне 80 лет», мое последнее стихотворение.

«О МОЩАХ Св. ИОАСАФА БЕЛГОРОДСКОГО (ГОРЛЕНКО)»

Это было, как мне помнится, в 1924 году. В Москве, на Петровке, в высоком особняке (позади бывшего цветочного магазина Ноева) помещался Музей Наркомзема.

И там, на втором этаже был зал, где, в доказательство несуществования мощей (а существования мумификации) под большой витриной, под стеклом с перекладинами, лежали мощи Св. Иоасафа Белгородского, а над ним, сбоку, на длинной полке, в стеклянном гробике лежал маленький, с искаженным лицом, в позе самозащиты, труп бывшего фальшивомонетчика, убитого во время дележа денег. Он был найден в сухом подвале. И рядом на маленькой полочке лежала засохшая мертвая крыса. А по стенам и под лестницей висел рассказ о них и о мумификации, вывешенный начальством Музея, для «просвещения» народа.

В соседних залах, в спирту, я видела 2-х голового новорожденного и прочие «чудеса» природы.

Св. Иоасаф был епископ. Жил он, если не ошибаюсь, при царице Екатерине Второй.

Епископов, мне сказали, хоронят с длинными волосами, как полагается православному священству, но теперь он лежал остриженный под первый номер еле серебристой головы. Я видела образ его, и сразу узнала нос с горбинкой, строгие благородные черты. Высокого роста, епископ лежал обнаженный, с куском картона на чреслах, закрытые глаза – не видели, слава Богу! И стали мы с сыном-подростком ходить в Музей, прикладываться к мощам, стараясь делать это незаметнее. Думаю, мы не были единственными.

На стенах вывешивались вопросы населения, на которые через несколько дней тем же способом отвечали служащие Музея. Один из этих вопросов я запомнила: «Почему плохо пахнет фальшивомонетчик?» Мальчишеские глаза сына лукаво смеялись и голос был весел – Что они ответят народу, что?

На стенах ответа не вывесили, но полка со стеклянным гробиком – исчезла: точно ее и не было.

И, кажется, все? Да, так казалось. Но прошло много лет – считаю не менее десяти, и надо же, чтобы именно мне пришел этот ответ и я его тут записала:

В 30-х годах и даже в их середине я преподавала английский язык научным работникам учреждений и шла с урока вместе с молодой женщиной, старостой группы.

Как зашел разговор о Музее Наркомзема – не помню. Но моя спутница оживилась. – «Теперь его нет по-моему. но тогда я работала в одной лаборатории, имевшей отношение к

больнице Склифосовского, бывшей Шереметьевской. И к нам привезли мумифицированного фальшивомонетчика, его история была известна. Убит своими коллегами. Он стал издавать дурной запах, а его надо было вернуть обратно в зал Музея Наркомзема. Фальшивомонетчика принялись бальзамировать. Сколько над ним старались! Все усилия, все знания приложили. Но, должно быть, перестарались – потому что он у них под руками вдруг рассыпался в вонючий прах. И тогда я рассказала моей спутнице начало этой истории.

Куда перевезли мощи Св. Иоасафа Белгородского, целы ли они где-нибудь?

8.VIII.90 г. Кясму, Эстония

«СТАТУЯ»

В конце 20-х годов Борис Михайлович Зубакин привез из Карачаева Тамбовской губернии, где жила его сестра Надежда Михайловна и где разорили церковь – сидящую статую Христа, деревянную, тонко раскрашенную масляными красками; почти в натуральную величину, в терновом венце. Борис Михайлович вез ее в большой бельевой корзине. В пути его остановила милиция, по согнутой в колене ноге, выглянувшей из корзины, заподозрив, что он везет тело. Осмотрев, отпустили. Он поднял статую ко мне на 4 этаж без лифта в квартиру, где я жила с сыном-подростком Андреем с 1921 года по год ареста, 1937. (Мерзляковский переулок, 18, кв. 8).

Статуя была покрыта от плечей по полуобнаженному телу темнопурпурной материей, стянутой возле шеи. Мы поставили ее возле киота в уголку у ширмы, делившей комнату на две части – мою и сына.

Статую называли чудотворной, на шее ее висели два металлических самодельных обреза с именами исцеленных ею людей; неуверенно помнятся имена: Сергей и Анна.

Оставаясь наедине со статуей, я боялась ее и не могла превозмочь страх. Но я молилась ей. Лицо Христа было так кротко... И в горе, в стыде от своего малодушия я взмолилась к ней: «Господи! Сделай так, чтобы я Тебя не боялась! Я же верю в Тебя, люблю Тебя – прогони этот страх!»

И в ответ сразу пришли ко мне такая благодать, такой покой радостный – на года...

Потом в 1933 году понадобилось меня арестовать. Увы, увидев деревянное изваяние, пришедшие позвонили в свое учреждение: – Тут – статуя религиозного содержания.

Взять? Возмём!» И, подняв Христа с деревянного кресла, положили Его в Андрюшину часть комнаты на угловой круглый диван, ближе к двери. Сделав обыск, меня увели.

Через 64 дня, как я потом узнала, по хлопотам Горького, меня выпустили. Но войти в свою комнату не удалось – комната была опечатана, а у граждан нет права нарушить печать. Восемь дней я спала на полу, на газете и тряпье у своей двери.

Затем пришел вежливый человек в очках и снял печать. Первое, что я увидела – это была лежащая на круглом диване статуя – забыли! А в том месте, где она раньше стояла – прохудилась крыша и дождь со снегом падали в комнату: статуя была спасена! Она жила со мной ещё 4 года до 1937 года, когда я вновь была взята.

Горького уже не было. 43 мне исполнилось на допросе, а 44 исполнилось на ДВК (дальнем Востоке) на лесной колонне, в трудных условиях.

Ночью я увидела сон: статую Христа, уже из моей жизни сгинувшую. На прощание статуя оправдала слух о том, что она чудотворная: синие глаза двигались как живые, глядя на меня. Во сне я сказала: – «Но если это чудо – то пусть будет ещё что-то для твердой веры, что не показалось!» И тогда правая деревянная рука Христа поднялась и благословила меня.

На девять оставшихся лет заключения.